

Сон казался бесконечным — глубоким, безмятежным, наполненным умиротворением, из которого совершенно не хотелось возвращаться.

«Нет, нельзя... Дел ещё непочатый край, пора просыпаться».

Очнулся Лу Гуйсюэ уже в собственных покоях на Пике Вечных Осеней, куда его перенёс Бессмертный достопочтенный Юньлань.

С того самого дня Бессмертный господин Лу затворился в обители и почти не переступал её порога.

Официальное объяснение для внешнего мира звучало скупое: господин Лу столкнулся со свирепой демонической тварью, получил тяжёлые увечья и теперь нуждается в долгом покое. Никаких подробностей.

Впрочем, слухи — штука неуловимая. По закоулкам Ордена и за его пределами промеж учеников поползли шепотки, и за Лу Гуйсюэ быстро закрепилось прозвище — «Горе-бессмертный».

А ведь ещё недавно всё было иначе. Несколько лет назад, расшифровав обрывки древних фолиантов, он постиг давно утраченный Путь Забвения Страстей Высшего Достопочтенного и стал самым молодым Бессмертным господином на всей горе Цюншань. Слава его гремела под небесами.

И надо же было случиться такой беде: во время странствий юный гений получил страшную рану. Мало того что вся его духовная сила развеялась без остатка, так ещё и путь совершенствования теперь перекрыт навсегда, а само тело изнурено хворью.

Такое падение с небес на землю вызвало в мире самосовершенствования немало вздохов и сочувствия. Спустя пару месяцев о бедняге Лу с Цюншань судачили уже на каждом углу.

Впрочем, сам «горе-бессмертный» ни о чём таком и не подозревал. Он со всем удовольствием предался бездельной жизни на Пике Вечных Осеней, наслаждаясь тишиной и покоем.

Да и прознай он о злых языках — скорее всего, лишь равнодушно пожал бы плечами.

Стоял погожий полдень. Ласковое солнце затопило двор.

Устроившись в переустроенном на свой вкус саду, Лу Гуйсюэ неторопливо бросил горсть корма в недавно выкопанный пруд.

В воде плескался пузатый, ярко-алый карп кои. Вильнув хвостом, рыбина высокомерно косилась на плавающие крошки и даже не подумала к ним притронуться.

— Ну и привередливый же ты, — со вздохом улыбнулся Лу Гуйсюэ.

Толстый карп с досадой шлёпнул хвостом по воде, возмущённый тем, что его пытаются накормить подобной дрянью.

— Я, знаешь ли, человек ленивый, — пробормотал юноша. — Если ты продолжишь в том же духе, мне надоест с тобой возиться. Проще отдать тебя Учителю — пусть поступит с тобой по всем правилам...

Спесь с карпа как рукой сняло. Будто поняв угрозу, рыбина неохотно раскрыла рот и с отвращением заглотнула пару крошек. Правда, проглотить так и не смогла — тут же с бульканьем выплюнула всё обратно.

Гуйсюэ не удержался и тихо рассмеялся.

Смех тут же отозвался болью в груди, дыхание сбилось, и юноша зашёлся в сухом кашле. На поблекших губах выступила алая, словно киноварь, капля крови.

Хотя недуг понемногу отступал, привычка харкать кровью осталась — никакие редкие пилюли не помогали. Впрочем, Лу Гуйсюэ относился к этому философски: к частым приступам он успел привыкнуть. Дело было в его собственной древней крови, так что от этого не умирают.

Привычным движением отерев кровь, он достал из пространственного кольца Золотое Ядро той самой демонической твари из Малого мира Холодного Утёса и бросил его в воду:

— Не бойся, я не стану пичкать тебя сухомяткой. Будешь вести себя тихо да спокойно совершенствоваться — свежим мясом я тебя обеспечу.

Увидев Золотое Ядро, толстый карп моментально преобразился. Вскинувшись над водой, он ловко сцапал добычу прямо в воздухе и заглотил целиком.

Пошамкав губами и взвесив заманчивое предложение, рыбина неохотно кивнула.

Терраса Синих Облаков

С Террасы Синих Облаков открывался великолепный вид. Место это, расположенное

неподалёку от Зала Познания Дао, славилось живописными пейзажами и служило идеальным уголком для неспешных бесед. Каждый день после окончания занятий ученики горы Цюншань собирались здесь небольшими кучками, чтобы перевести дух и поболтать.

Шэнь Лоухань не испытывал ни малейшего желания празднично чесать языком. Обычно он проходил мимо Террасы, спеша поскорее укрыться на Пике Вечных Осеней.

Последние полгода Лу Гуйсюэ всё время отлёживался в покоях, так что даже живя на одном пике, Шэнь Лоухань пересекался с ним крайне редко. Но в те редкие мгновения, когда их пути пересекались, юноша неизменно видел на губах наставника улыбку.

Сдержанную, едва уловимую, разгонявшую привычную холодность его черт и придававшую облику неожиданную мягкость.

Одно лишь сопоставление этих слов с Лу Гуйсюэ заставляло Шэнь Лоуханя хмуриться. В голову закрадывалась невольная мысль: уж не тронулся ли тот умом от пережитого?

Впрочем, если судить трезво, повод для помешательства был весомый. Окажись любой другой на месте Лу Гуйсюэ — впал бы в глубочайшее уныние или вовсе лишился рассудка.

Шэнь Лоухань своими глазами видел в ту ночь, как развеивается духовная энергия его наставника, как рушится его совершенствование.

Лишь позже выяснилось: Гуйсюэ едва успел вернуться из Северной Пустоши, как, будучи уже израненным, помчался в Малый мир Холодного Утёса, чтобы вырвать их из пасти древней твари.

В первые дни, втирая данное им целебное снадобье и чувствуя, как прохладная живительная сила впитывается в кожу, Шэнь Лоухань поймал себя на мысли: ладно, пусть.

Тот старый долг за два месяца заточения в холодной пещере из прошлой жизни... можно считать уплаченным.

Проходя мимо Террасы Синих Облаков и погрузившись в свои непростые раздумья, Лоухань внезапно уловил в гуле голосов знакомое имя.

Неподалёку сгрудилась компания разряженных юношей из знатных родов.

Один из них, понизив голос, поинтересовался:

— Послушай, молодой господин Лю, тебе после прибытия на Цюншань доводилось видеть Бессмертного господина Лу?

Услышав упоминание о Лу Гуйсюэ, Шэнь Лоухань невольно насторожился. Он сам не заметил, как сжал пальцы в кулаки, выдав затаённое напряжение, в котором ни за что бы не признался даже самому себе.

Барчук сощурился и насмешливо бросил:

— А как же! Обо всём этом анекдоте с «горе-бессмертным» трезвонит весь мир...

Окончание фразы утонуло в ядовитых смешках окружения.

— Впрочем, мельком я его как-то раз разглядел. Личико — просто заглядение. Ни единого изъяна, точно из нефрита и льда выточен. У нас в клане проживала девица, входившая в десятку первых красавиц Списка Нефритовых Ликов, так она ему и в подмётки не годится.

— Красота-то красота... только на одном пригожем личике статус Бессмертного господина долго не удержишь, — ухмыльнулся молодой господин Лю.

Толпа снова заходилась глухим гогогом.

Сынков влиятельных господ с измальства приучали к интригам, так что о грязи этого мира они знали не понаслышке. Разгорячённые разговором и упиваясь безнаказанностью, они окончательно потеряли стыд:

— Да ну, кто знает! Вон, господин Лу до сих пор свой пик удерживает. С такой-то статностью да личиком наверняка найдётся высокопоставленный покровитель, готовый взять его на содержание. Я бы на месте тех высокочтимых владык...

Шэнь Лоухань слушал это с внешним хладнокровием, однако в его глазах закипала бешеная, неукротимая ярость.

Он и сам не мог понять, откуда в нём столько злобы. Разве не этого он жаждал? Разве не мечталось ему увидеть, как гордый, недостижимый Бессмертный господин срывается с небес в грязь?

Но вместо злорадства и удовлетворения внутри kloкотало лишь одно дикое желание — разорвать этих гнилозубых тварей на куски.

Лоухань прижал ладонь к левому глазу. Вспыхнувшая там острая, жгучая боль лишь подлила масла в огонь, превращая его в разъярённого зверя.

«Проклятые ничтожества...»

Как они смеют своими грязными ртами пачкать его имя?!

Тело сработало быстрее разума. Сорвавшись с места молниеносным броском, он растолкал опешивших зевак, вцепился в горло молодому господину Лю и со всей силы сжал пальцы!

Народ вокруг обомлел.

Откуда у этого черноволосого юнца взялась такая первобытная дурь?! Его ногти вонзились в чужую кожу до крови, а на шее моментально забагровели жуткие синяки.

— Стоите... чего?! Спасите... спасите меня! — задыхаясь, сипел Лю. Лицо его налилось багровым румянцем; в эти мгновения он на самом деле ощутил ледяное дыхание смерти.

Только тут дворянские сынки опомнились. Навалившись гурьбой, они с трудом скрутили Лоуханя и вырвали полузадушенного приятеля из его хватки.

Молодому господину Лю несказанно повезло, что перед ним стоял лишь не сформировавшийся подросток. Будь это Шэнь Лоухань из прошлой жизни — шея обидчика вместе с позвонками разлетелась бы в труху до того, как тот успел бы выдать хоть звук.

— Кха... Кха-кха! Ты что, нищеброд, совсем с ума сошёл?! Жить надоело — на меня руку поднимать?! — Заходясь кашлем, Лю, никогда прежде не знавший подобного унижения, сорвался на визг.

Вглядевшись в лицо нападавшего, барин узнал его и разразился ядовитой бранью:

— О, да это же ученик Бессмертного господина Лу! Слыхал я, духовные жилы у тебя посредственные, еле-еле пролез. Что ж, два сапога пара — калека да бездарь!

На Террасе Синих Облаков мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Раздался хлёткий, звонкий сокрушительный удар.

Ещё секунду назад размахивавший руками господин Лю взвыл и рухнул на каменные плиты, поджав ноги и зажав окровавленный рот.

По его щеке расплывалась рваная кровавая ссадина.

От боли и ошеломления он окончательно потерял рассудок. Зажимая разбитое лицо, он взвизгнул:

— Кто?! Кто смеет?! Да я тебе руки и ноги переломаю!

Толпа ответила молчанием. Даже его недавние прихвостни отводили глаза, не смея произнести ни слова.

— Я.

На крытый мост ступил мужчина.

Чёрно-белое одеяние без единой лишней детали; даже вышитая птица Цюн — символ Ордена — едва угадывалась в тёмном шитье.

Резкий, точно высеченный из камня разлёт бровей, поджатые в тонкую нить губы, бескомпромиссные черты лица.

От всего его облика веяло холодом свежавыкованной стали — чистой, суровой и смертоносной.

Се Чжэфэн. Владыка Пика Песни Меча.

Длинный меч за его спиной оставался в ножнах. В руке он держал лишь тонкий бамбуковый прут, сорванный мимоходом.

Взгляд Се Чжэфэна потемнел, рука с прутom слегка качнулась. Никто даже не успел уловить движения, а на второй щеке господина Лю уже взбухла точно такая же кровавая полоса. На этот раз удар оказался настолько силён, что выбил сразу два зуба — тот со стоном выплюнул их вместе с густой кровью.

Две скрещенные ссадины перечеркнули его рот крест-накрест, придавая лицу выражение одновременно жуткое и нелепое.

— За дерзость и распушенность языка. Наказать.

<http://bllate.org/book/20383/2106229>